

КЛАССИЧЕСКАЯ ШКОЛА КАК ШКОЛА ОБРАЗЦА

Малыш первоклассник, вступающий в стены школы, ощущает себя на пороге открытия удивительного мира знаний. Начиная от самых таинственных элементов чтения, письма и счета, он продвигается, ощущая себя владельцем многих полезных сведений. Он чувствует неуклонно расходящийся кругозор, увеличивающий сумму обозначаемых предметов, понятий, умений. Школа живет напряженным ритмом, ревнуя об исполнении учебного плана, постоянно отрабатывает тонкости образовательных технологий, выходя на установленные показатели. По сумме этих показателей школа признает человека образованным, встроенным в систему общественных отношений. Осуществлена обязанность воспроизводства.

Но можно ли исчерпать этим смысловое содержание школы? Может ли самая формализованная современная школа отказаться от воспитательной задачи? Не употребляем ли мы слово школа в ином значении, например, говоря: «школа Платона», «школа Поликлета», или далее — «школа Рублева», «школа Ушинского»? Здесь фиксируется некая ведущая идея, даже, прямо сказать, успех или ведение, которое создает особое поле взаимодействия элементов школы.

Напомним, древние школы это прежде всего сообщества учеников, объединенных любовью к учителю, живущие одной совместной жизнью. Центр образовательного процесса есть личность учителя, поскольку в нем предание сосредоточено, дано в мусической, эпической и атлетической форме, запечатлено в идеале, памяти и теле. В целом такая школа есть воспроизводство *арэте* — доблести. Эмпирически полезные знания в этом процессе получают иначе, чем в современной школе: они постепенно и избирательно возникают из общего лона общественно-обязательного мифологического ведения. Целое очень сильно в каждом познаваемом предмете; оно раскрывает этот предмет скупно, но, освящая его своим авторитетом, вводит этот предмет в обиход так, что ученик чувствует себя устроенным, найденным, определенным. Знание прямо и контактно воспитывает, т. к. нерасторжимо связывает предмет с системой всеобщих смыслов. Благодаря такому символизму лучше говорить не «предмет», а «вещь». Для школы же универсальный термин — образец. Образец — это авторитетная содержательно-законченная данность, вещь для упражнения в понимании.

Переходя к описанию работы с учебным образцом, следует оговориться, что хотя оно будет дано на примере только одного «Изобразительного искусства», однако все особенности процесса понимания также эффективны и на уроках словесности, математики или любого другого предмета.

Образец привлекает ученика своей законченностью, осуществленностью, признанностью. Поэтому ученик подражательно

прикасается, примеривается к его внешнему очертанию. Ученик делает несколько удачных, обнадеживающих шагов в подражании образцу. Но вскоре он наталкивается на роковую трудность в подражательном процессе, которая делает его самостоятельные попытки невозможными. И тут с помощью учителя ученик прямо встречается с проблемой вещи в данном образце. Учитель дает понять, что, оставаясь на уровне пассивного интереса и внимания, проблему вещи решить невозможно. Так, невозможно полностью передать на плоскости объем предмета, повышенную контрастность освещения, найти ключ цветового единства и вообще индивидуальности вещи. Выход находится в следующем: если вещь нельзя сходу изобразить (без потери ее достоверной выразительности), то ее можно изложить. Учитель указывает на родственность вещи сознанию ученика, находит вместе с ним смысловые доминанты вещи, ее смысловую структуру. Такое прочтение вещи может быть коллективным увлекательным поиском. Открытие же соответствия облика вещи и ее аналитического эквивалента дает возможности объективного изображения — описания.

Первые определения на рисунке — количественные, аритмологические. Это вычленение точного формата из неопределенного поля листа бумаги, затем определение абсолютного размера вещи в этом поле. Это открытие влечет за собой дальнейшее овладение изображением предмета через логику описания его элементов. Раскрыв в прочтении вещь, ученик теперь фиксирует отдельные последовательные задержки своего взора и помечает элементарно эти фрагменты. Здесь вещь по-новому предстает ученику. Указанные фрагменты, на которые распадается вещь, дают последовательную систему планов. Внешний очерк такого плана всегда прост, двумерен, доступен любому. Правда, для его использования необходимо удерживать фантазию в рамках необходимого и достаточного. Излишество и небрежность разрушают дело. Так точно и необходимо воспитывается воля учащегося до состояния вполне обузданного своеволия, при котором открывается способность суждения. Это познание правды в сочетаниях элементов для внешнего взгляда безразличных. Найденные планы, суммируясь, вновь собирают вещь в ее новом, познанном единстве. Объективный художественный образ вещи возникает как результат познания, смысловой интерпретации. Такой образ обладает и яркой индивидуальностью, и безусловным объективизмом. Вещь через нас самоотождествилась, в этом она как бы прославлена. В этом праздник школы образца.

Идя таким путем, развивая этот процесс воспроизводства вещи через ее истолкование, школа вводит ученика внутрь той духовно-культурной традиции, в которой обитает народ. Войдя туда, школа тщательно и многообразно определяется в этой традиции, ведет отбор тем и приемов своей учебной работы, учится точному планированию объемов учебного материала и взаимодействию предметов.

Но особое свойство такой школы — школы образца, погруженной в свое культурное предание, — углубленное и последовательное воспитание

знанием. В этом случае происходит постепенное узнавание тех качеств достойного поведения, которые отобраны временем и индивидуальны для народной религиозной культуры в целом. Эти черты не так легко выделить и назвать, оставаясь на внешней позиции, почему и не были удачны попытки педагогов дать определения народного духа. Но здесь, при погружении внутрь, материал начинает говорить сам за себя. Причем наблюдается весьма прихотливое наращивание содержания: здесь все связано строгими умными узами, знание испытывает ученика па мужество, верность, самоотвержение, хотя допускает и гибкость, и тонкую экономию.

В конце концов, эта духовно-нравственная составляющая становится основным объектом внимания опытного педагога: забота об увеличении, приобретении, закреплении внешних знаний остается, но получает другое обоснование и смысл. По-видимому, именно в недрах этой строго образуемой духовно-нравственной сферы и происходит оттачивание, образование ума, имеющего образцом «Ум Христов». Здесь же зреет и воление человека, способность принимать ответственное решение, умение в терпении достигать результата.

В школе образца через язык и художественный образ ученик погружается внутрь родной культуры и входит в общение с народным прошлым, воспринимает наследственные поручения, призыв что-то доделать, что-то додумать. Неожиданно, но нечто подобное ожидается и при изучении древних и новых иностранных языков. Ибо само выделение родного из вселенского уже содержит момент нравственного долженствования.

Теперь о религиозной стороне образования. Все вышеизложенное неразлучно с религиозным отношением к мирозданию, весь ход такого обучения предполагает и мыслит мир как Божие творение, опознает следы Творца и ясно ощущает обращенность к нам нашего Создателя и Владыки. Здесь преодолен разрыв между знанием и верой. К этому надо добавить, что в ходе воспитательного процесса, обусловленного строгим развитием знания, образуется в ученике некоторая особая серьезность поведения, которая хороша и сама по себе. Но опыт показывает, что так образованный ум учащегося способен устоять и в случае антиномического конфликта, удержать оба полярных взгляда на арене трагических противостояний, как это было навеки запечатлено в книге Иова. Эта книга, читаемая в параллель с античными трагиками, дает предельный уровень религиозного сознания человека, обращенного к Богу с полной и неуклонной верой.

Так может быть кратко представлена школа образца, сама становящаяся культурным фактом, живущая в постоянной рамке самоограничения, создающая духовно обоснованное единство образовательного процесса.

Опубликовано: *Воспитывающее образование: Сборник научных статей.* М., 2007, с.34-37.